

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ

Тимощук Елена Андреевна

*канд. филос. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук
Владимирский филиал Московского финансово-юридического университета, г.*

*Владимир
e@timos.elcom.ru*

SOCIOCULTURAL PHENOMENOLOGY OF POLICY

Timoschuk Elena Andreevna,

*candidate, docent, Vladimirskiy department of Moscow
Financial Law University,
Vladimir*

АННОТАЦИЯ

Статья рассматривает инструментарий феноменологии как модель описания социокультурной динамики и феномена политического. Предмет рассматривается в связи с онтической процессуальностью и эмерджентностью бытия. Особый интерес представляют 1) модификации смысловой деятельности, 2) спайка intersubjectивности, 3) рождение коллективных жизненных миров. Социокультурная феноменология исходит из того, что множество трансцендентальных субъектов конституируют мир культуры и политики.

ABSTRACT

The paper examines instruments of phenomenology as the model for describing the sociocultural dynamics and the phenomena of political. Object is considered in connection with the process nature of being and ontic emergence. Of particular interest are: 1) sense and value modalities, 2) intersubjectivity liaison, 3) birth of collective Lebenswelt. Sociocultural

phenomenology is based on the fact that the set of transcendental subjects constitute the world of culture and politics.

Ключевые слова: конституитивность, феноменология, Гуссерль, социодинамика, жизненный мир, интерсубъективность, эмерджентность, феноменология политического

Keywords: constitutive phenomenology, Husserl, Ingarden, sociodynamics, life-world, intersubjectivity, emergency, phenomenology of political

Политическое измерение феноменологии – это новый, развивающийся тренд. Среди российских авторов попытку рассмотреть политические феномены как очищенные от иных наслоений предпринял А.М. Пятигорский, выдвинув абсолютные политические явления: власть, государство, революция, война. Интересно его предложение сохранять нейтральность рассмотрения политических феноменов за счёт включения аполитичного наблюдателя-философа. Это бы позволило отстраняться от психологических, мифологических и мистических установок. Однако предложение очистить политическое мышление от экономических явлений, представляется невыполнимым, т.к. интегративность политэкономическая составляющей в общественных процессах очень велика [1].

Можно выделить следующие аспекты феноменологии как метода в познании политического:

- 1) бракетирование вопросов истины, добра и зла;
- 2) отстранённость от противоречий и соперничества в стремлении понять политические феномены как они есть;
- 3) признание субъективности как ведущей ценности в социокультурной динамике;
- 4) рассмотрение политического как амбивалентной связки универсального и этноцентричного, дискурсивного и контекстуального;
- 5) ориентация на мирное разрешение конфликтов через фасилитацию, дипломатию и консенсус;

б) поиск смысловых структур и значений в политике и реконструкция поведения на основе ценностно-смысловых паттернов. Политические устремления, движущие субъектами и массами, не могут игнорироваться как иллюзорные, их следует распознавать как осмысленные в определённом контексте (вместе с тем, необходимо остерегаться онтологизировать политические дискурсы как истину саму по себе, феноменология должна вопрошать).

Категориальный аппарат феноменологии представляет целостную когнитивную модель репрезентации социума и политики, где общество – это кумулятив традиций, пересекающихся между собой и самоконституирующихся – родовых, аграрных, символических, инженерных, эстетических, правовых и пр., а политическое – сфера негоциации экономических интересов и идеологических смыслов. Особое значение при феноменологическом анализе политического приобретают категории *описание*, *конститутивность*, *внутреннее время*.

Гуссерль научил *феноменологической описанию* различных типов переживаний и горизонтов опыта. Его метод заключается не только в картографировании внутреннего пространства, он включает работу по улучшению саморефлексии через способность к удержанию своего мышления от автоматизмов, установок, стереотипов. Отчасти благодаря феноменологическому движению сегодня можно говорить уже о новом типе рациональности, которое включает в себя такие гносеологические операторы как коммуникативность, респонзивность, способность к рифреймингу, а также близко таким этическим операторам как экологичность и гуманизм. Феноменологическое описание нацелено на нахождение наиболее достоверной территории между личностью и миром, что достигается в «субъективном переживании в его формальной всеобщности» (К. Ясперс) благодаря: 1) отказу от заранее сформулированных гипотез и концепций, 2) обоюдном восприятии значения переживаний и пережитого [2].

Социокультурная феноменология исходит из того, что процедура описания уровней репрезентации объекта не может быть избыточной. Переход от описания к объяснению возможен лишь после выявления максимального количества контекстов. Несомненно, невозможно описать все отражения объекта в обществе и культуре, ибо

они бесконечны, однако совершенно необходимо выявить доминирующие и миноритарные дискурсы, особенно в описании политического.

В классической науке описание сопутствует базовым методам эмпирического уровня познания наряду с наблюдением, счётом, измерением, экспериментом, моделированием. Известно, что в гуманитарном познании редко когда возможны эксперимент и моделирование, однако если повышать качество первичных процедур (наблюдение, описание, счёт, измерение), это будет способствовать улучшению качества знаний об обществе. К тому же неклассическая наука поднимает вопрос о достоверности таких процедур как объяснение и изменение мира. Поэтому исходный пункт феноменологии как участника неклассического дискурса – рефлексия и фиксация жизни сознания при отказе от любых непроясненных предпосылок. Сознание и внешний мир предметов одновременно едины и отличны. Сознание не может быть безобъектным (даже, если, как в буддизме, они устраняются, присутствия как негативные внеположенности) и объекты не могут быть объектами без сознания. Природа, общество, культура, политика имеют природу проективных сущностей в связи с сознанием, они перетекают как объекты в сознание и обратно как направления деятельности в различных модусах сознания, однако не мистико-метафизическим путём, но как intersубъективные конструкторы жизненных миров. Мир вещей и мир для нас одновременно остаются нераздельными и несводимыми, внешними и внутренними, смыслами и коррелятами.

«Zu den Sachen selbst!» – это волевое решение отстраненно наблюдать все связи между сознанием и предметами, подвергать описанию их мифологическое, обыденно-прагматическое, религиозное, научное, художественное, политэкономическое и иное содержание; проследивать причинно-следственную разборку / сборку смысловых конструкторов; фиксировать феноменологическое поле значений фокус группы. Дескриптивный контент-анализ в социокультурной феноменологии всегда сопровождается интен-анализом общего смыслового поля жизненного мира, демаркацией чистого сознания и условий его функционирования в социо-политических дискурсах.

Не является ли феноменологическая установка ещё одним психологизмом наряду с идеализмом, материализмом, натурализмом, техницизмом, историцизмом,

логицизмом, панисламизмом и т.п.? Принципиальное её отличие заключается в попытке bracketирования собственных когнитивно-волевых актов для получения максимально точного описания. Чтобы дескрипция была достоверной, она должна быть строгой, т.е. сопровождаться отказом от высказываний оценки и объяснения.

Процедура вынесения за скобки содержания сознания является своего рода мысленным экспериментом, аналогией задержки дыхания во время рентгеноскопии лёгких. При этом предмет рассматривается как с содержательно-смысловой стороны (миф, религия, наука, повседневность, искусство, политика и т.д.), так и с функционально-коммуникативной (как коррелируют ощущения, восприятия, воображения, умозаключения, желания, сомнения, фантазии, миража и др.). Исследователь должен стараться самому не быть охваченным ни смысловой ни функциональной характеристикой объекта в сознании. Тогда он может описать целый спектр конститутивных значений, функций и акциденций предмета в сознании. Дескрипция предстаёт в феноменологии когнитивно-волевым актом самоисследования, самообнаружения сознания в чистой форме, лишённого иллюзий, заблуждений, помутнений, стереотипов и догм. Описание позволяет выявить потенциальные вариации потока конститутивности сознания и его предметностей. Этим оно отличается от наивного описания обыденного сознания, где граница между интенциональным и телесным не рефлексивируется. Нормальный способ функционирования живых систем – это в своём опыте не проводить различий между познанием и условиями познания. Для детей естественно в своей наивной установке хватать луну, звёзды, радугу, однако по мере эволюции сознания мы усваиваем, что не всё, что мы ощущаем, находится в нашей инструментальной сфере [3]. Через критичность и самопознание он преодолевает границы обыденного и повседневного.

При наивном описании политических событий, указываются лица, действия и внешние причины: сторонники евроинтеграции захватили в ноябре 2013 г. здание киевской администрации, выступая за смену правительства. Феноменологическая установка – это реконструкция множества описаний одного и того же социокультурного факта в его интесубъективных отражениях, а также метаописание (граничащее с интерпретацией) их интенций: 1) Майдан – это совесть нации, свет реабилитированной человечности, 2) Россия и Европа делят рынок сбыта, 3) бунт молодёжи против

коррупционеров-стариков, 4) происходит распад искусственного государственного образования, 5) олигархи делят власть руками романтиков, 6) Польша и Прибалтика добиваются ослабления своего конкурента, 7) США и Евросоюз экспортируют инфляцию на Восток и т.п. Разные точки сборки реальности конституируют многообразие дискурсов – националистических, региональных, технократических, романтических, антинатовских, пророссийских, антипутинских, пропутинских, антиевропейских, проевропейских и т.д.

При этом феноменологическое метаописание должно быть максимального устранённым от субъективного плана: «на Украине (как и в целом в мире) происходят сложные социокультурные и политикоэкономические процессы». В метаописании мы выносим за скобки ценности, интересы, амбиции, цели разных жизненных миров (украинской, польской, российской, европейской политической элиты, партий, лидеров и разных групп населения). В результате наше метаописание получается слишком абстрактным и отстранённым, но мы можем созерцать сущность вне эмпирического содержания, вынося за скобки вопрос об объяснении и изменении действительности. Мы получаем таким образом два пласта – один эмпирический, интересубъективный, а второй – феноменологический, общий, идеальный. Генерализация интенциональностей не связана с конкретной памятью или интересами, она надстраивается над частными жизненными мирами, которые возможны как конституирующиеся процессы личной истории и внутреннего времени [4].

Сопряжение внутреннего времени участников жизненных миров образует историю народа, нации, государства. Высшими генерализациями смысловых полей выступают всемирная история и ноосферная история Земли как субъекта Галактики, Вселенной, Бесконечности. Сегодня, когда человечество пришло к пониманию глобальности всех микропроцессов, обнаруживается новая историческая сущность и цель философии – выработка универсального типа рациональности, созидание смысловых структур устойчивого развития и управления. В этом ноосферном процессе участвуют все области генерации значений – мифы и эзотерика, предпринимательство и спорт, религии и мифы, искусства и науки, а также все жизненные миры – от малых народностей до суперэтносов. Критический дух философии позволяет освобождать ростки будущего от старых форм, будь то: невежество, религиозный фундаментализм,

коммунистический утопизм, монополистическая капиталократия, неофашизм, этический релятивизм, гомосексуальный либерализм и пр. Эти и другие культурные каркасы, которые мешают развитию человечества как вселенского рода необходимо подвергать феноменологическому анализу, переходя на более общие уровни генерализации, открывая бесконечные идеалы будущего, созидая общее смысловое поле универсума.

Стратегия феноменологической дескрипции является этическим требованием к учёному, педагогу, гос. служащему. Её можно назвать долгом интеллектуальной честности, продолжающим объективизм Аристотеля, методологизм Декарта, категорический императив Канта. Все задачи национального стратегического проектирования и модернизации страны, повышения конкурентоспособности в сырьевом, энергетическом, транспортно-промышленном и высокотехнологическом комплексах, энергоэффективность экономики, повышение правосознания, профилактика экстремизма и терроризма, формирование здорового образа жизни, – упираются в необходимость формирования ценностной политической элиты.

Значение феноменологии – в демифологизации, повышении рефлексивности участников политических конфликтов, поскольку она предлагает посмотреть, как события и процессы предстают перед глазами Другого представляется, поэтому, весьма перспективной. Политическая сфера всегда активно использует мифологическое сознание в конструировании реальности. Даже само использование терминов «знание», «наука», «миф», «догма» и пр. являются разновидностью манипулирования сознанием, где порядок вещей противостоит порядку мыслей.

В качестве международного примера необходимости bracketирования в политическом мышлении мифологем, может быть заключение в скобки ассоциаций на термин «империя», который сегодня в Европе и США используют pejoratively, как угрозу миру и стабильности, указывая, что Россия не должна стать империей вновь, присоединяя к себе те народы, которые добровольно хотят вступить в её состав. Термин «империя» не отражает современных типов отношений интеграции, которые складываются между соседними государствами. США – это тоже империя, в таком случае, вкупе с Канадой, Великобританией, Австралией и всеми своими заморскими протекторатами. Европейский Союз также можно считать империей, где монетарная и

политика – это удел немногих сильных государств. Обвинение в имперских амбициях не продуктивно для политического мышления, а сравнение современных «империй» с такими автократиями прошлого, как Шумер, Вавилон, Рим, Византия, не выдерживает критики.

Локальные российские идеологемы имеют, главным образом, конспирологическое или антиамериканский генотип: «Путин – двойник», «Обама – рептилоид», «Каждый МакДональдс – это бункер НАТО», «Айфоны созданы инопланетянами» и т.п.

Особое значение в феноменологии политического представляет *категория конститутивности*, которая позволяет по-иному ставить вопрос о соотношении таких понятий как дух – материя, время – пространство, личность – народ, право – закон и др. Постоянная сопряжённость событий и вещей, времени и общества позволяет вновь выдвинуть гипотезу (вслед за Л. да Винчи, Дж. Максвеллом, М. Розовым, Ж. Делезом) о волновой (куматодно-номадической) природе социокультурного и политического мира, чья метастабильность поддерживается постоянной конститутивностью. Прочие подходы (цивилизационный, формационный, экономический) имеют свои ограничения и недостатки. Цивилизации с их идеологиями – это социально-политические конститутивности, которые, по аналогии с растительным миром, опыляют друг друга, обмениваются опытом, создают новые цивилизационные гибриды, чья цель – выжить в меняющихся природно-общественных условиях. Так, западный мир дал технологии, породил механизмы социальной справедливости, но сегодня он под влиянием внутренних процессов (кризис семьи как института, падение рождаемости), он угасает, порождая, возможно, новые гибриды – на конфуциано-буддийской и исламской почве. В этом контексте, успех России заключается в том, насколько она способна фильтровать и адаптировать новации, как Запада, так и Востока. При этом усваивать необходимо не только техногенные ноухау в сфере добычи и сбережения, но и гуманитарные (социально-правовые, управленческие, воспитательно-образовательные). Феноменология интересна тем, что попадает во вторую область, способствуя корреспондированию различных сегментов общества.

Формационный подход несовершенен из-за абсолютизации идеальных типов и их последовательности смены. Цивилизационный подход искусственно ограничивает

ценностно-смысловые эстафеты рамками отдельной культуры. Например, ойкумена Междуречья Тигра и Ефрата эволюционировала через культурную гибридизацию, селекцию и инбридинг. Шумер, Аккад, Ассирия, Вавилония, Османская империя, Ирак – это государственные образования, эволюты конститутивности Междуречья. То же самое можно сказать про Египет, Китай, где за последние 2-5 тысяч лет прошли грандиозные культурные метаморфозы. Трудно установить границы миров, когда завершается одна цивилизация, где начинается другая. Современная Россия также связана с предыдущими этапами развития славян весьма условно, какие-то реминисценции в языке, возможно на уровне коллективных архетипов, но никаких реальных социокультурных обычаев и практик со времён Рюриков до сегодняшнего дня не представляется возможным обнаружить. Модернизации Никона, Петра I, большевиков отформатировали предыдущие социальные эстафеты.

Конститутивность политической сферы сместилась с идеологических, религиозных и культурологических разногласий (коммунизм / капитализм, протестантизм / католицизм, Восток / Запад), вернувшись в старое русло экономики. Риторика вокруг Восточной Европы, Украины, Таможенного союза, Евросоюза, ВТО – это риторика вокруг рынков сбыта. Аргументы в пользу единого визового, коммуникативного, правового пространства подавляются экономическими факторами – требованием защиты местных производителей и национальной экономики.

Феноменология политики тесно связана с понятием *«внутреннее время»* или фиксацией темпоральности в актах сознания. Структура феноменологического события такова, что конституирование процесса перцепции происходит на фоне времени культуры. Эффекты внутренней темпоральности, означенные в терминах телос, полис, агора отражаются в опыте суждения как феноменология истории.

Политическая конститутивность может опережать социальную. Так, после распада СССР на Украине пришло новое поколение, не знавшее целостности славянских республик, которые когда то выступали ядром советской государственности. Становление новой политической идентичности произошло за каких-то 10-15 лет, результатом этого стала активная трансформирующая роль generation NEXT в политических преобразованиях, в то время как для социального окружения эти преобразования кажутся искусственными и целиком спланированными

какими-то заговорщиками. Несмотря на то, что конспирологический момент может присутствовать в управлении общественным хаосмосом, факт конституирования новой украинской идентичности нельзя отрицать.

Феноменология может найти своё применение в сфере государственно-общественных отношений в исследовании политического идеализма и утопизма, принципов справедливости, социальных реформ и традиционализма, роли художественных практик в политике (акционизм, перформанс, флэшмоб, арт инсталляции), новейшем дискурсе права и морали человека (права животных, вивисекция, однополые браки, ассистированная репродукция, клонирование, трансплантация органов).

Социокультурная феноменология политики может помочь нам дать ответ на феномен современного общества. При всём разнообразии его идентичностей – глобальное, постиндустриальное, массмедийное, секулярное, открытое, информационное, постмодернистское, постсексуальное, posthuman, transhuman, технократическое, нам не хватает итогового концепта для его понимания. Возможно, такой характеристикой выступила бы такая характеристика, как сложность. Вместе с тем, древние цивилизации Египта и Шумера также были в своём смысле сложными и этот структурный принцип не даёт нам специфики отличия обществ. С позиции социокультурной феноменологии политики можно выделить такой существенный признак как нелинейное управление, который отличает современное общество от классического иерархического общества.

Феноменология политического неизбежно экстраполирует индивидуальные структуры сознания, такие как мировоззрение и воля на коллективное социальное тело. Однако разнородность дискурсов социального тела не позволяет рассматривать его органически. Этот холизм вдвойне нарушается репрессивными практиками не только тюрьмы, больницы и иных государственных институтов, но также любым мажоритарным дискурсом, будь то здоровье vs. болезнь, дееспособность vs. инвалидность, норма vs. девиация.

Феноменология политики критикует метафизический фундаментализм идеологий, предлагая средний путь между постмодернистским релятивизмом и радикализмом. Это путь моральной ответственности, а также альтернативная

философия истории, где высвечивается неприметность конкретных людей в телесном мире политического. Конфликт рациональностей – это то, что создаёт мимолётные целостности социума в их полемике и борьбе. Феноменология политического может только призывать к открытости, саморефлексии и диалогизму, как методологии противостояния утопическому в создании оптимальной формы координации общественного.

Список литературы:

1. Ткаченко Д.А. Проект феноменологии политики А.М. Пятигорского // <http://iph.ras.ru/page48378512.htm>
2. Ромек Е. Феноменологический метод и дилемма психиатрии: Бинсвангер и Гуссерль // http://elena.romek.ru/romek_3.htm
3. Шюц А. Мир, светящийся смыслом. М., 2004. С. 380.
4. Молчанов В.И. Феноменология (Э. Гуссерль) // Введение в философию. М., 2003. С. 213–217.